

*С. Н. Бирюков***МЕЩАНЕ ГОРОДОВ СТАРОДУБЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.**

Юго-западная часть современной территории Брянской области, так называемое Стародубье, к началу XVIII в. входила в состав Левобережной Украины. Это регион современного русско-украинско-белорусского пограничья [1, с. 284]. Именно здесь встретились, переплелись и размежевались три ветви восточных славян: русские, украинцы и белорусы. Особое географическое положение региона, длительные исторические связи с Польшей и Литвой, важная роль в оборонительной системе России и Украины обусловили особенности его социально-экономического развития. Современные историки и краеведы справедливо указывают на уникальность и «феномен Стародубья» [2, с. 4]. Исходя из этого, большой интерес вызывает социально-экономическая история древнейших городов региона: Стародуба (1096 г.), Погара (1155 г.), Мглина (1387 г.), Почепа (1457 или 1500 г.).

Несмотря на значительное число работ, относящихся к различным аспектам истории Стародубья в первой половине XVIII в., проблемы формирования и эволюции городских сословий в этом регионе не получили достаточного освещения в историографии.

К началу XVIII в. одним из самых значительных военно-административных центров Левобережной Украины был Стародубский полк (всего было 10 полков). В его состав входили один полковой город Стародуб и четыре сотенных: Новгород-Северский,¹ Погар, Почеп и Мглин. Остальные сотни размещались в небольших местечках и селениях [3, с. 77]. Полковники и сотники, стоявшие во главе этих образований, осуществляли военное и гражданское управление. Особенностью социально-экономического развития перечисленных городов являлось то, что еще с первой половины XVII в. они пользовались Магдебургским правом, полученным от польских королей. В городах действовала магистратская и ратушная (более ограниченная) система городского самоуправления.²

Царь Алексей Михайлович, желая получить поддержку горожан Левобережной Украины и, в частности, Стародубья как пограничного региона, подтвердил права, «привилеи и свободы» этих городов. 11 городов Левобережной Украины получили соответствующие грамоты, среди них: Мглин — в 1665 г., Стародуб и Погар — в 1666 г. [3, с. 71]. В 1666 г. были подтверждены права Почепа: «И мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, почепских мещан пожаловали, на стародавнее их право и волности сию нашу Царского Величества жалованную грамоту дать им велели» [4, с. 326–327]. Таким образом, мещане Стародубья, как и ряда других городов Гетманщины, сохранили Магдебургское право, что положительно сказалось на дальнейшем социально-экономическом развитии этих городов.

¹ В настоящее время Новгород-Северский — районный центр Черниговской области, входящей в состав Украины.

² Магдебургия в определенной степени ослабляла феодальную зависимость городов, предоставляя им право на самоуправление, собственный суд, право земельной собственности и освобождение от большей части феодальных повинностей.

© С. Н. Бирюков, 2011

Властные полномочия в городах принадлежали привилегированной самоуправляющейся общине. Например, в магистрате Стародуба в 1721 г. был войт, 18 урядников — 3 бурмистра, 5 райцев и 5 лавников³, «а сверх того присяжный писарь» [5, с. 36]. В состав Погарского магистрата к концу первой половины XVIII в. входили: войт, писарь магистратовый, три бурмистра, три райца, три лавника, «городничий меский», «надсмотритель часныхъ заводов», два надсмотрителя «олеиничих приходов», пять урядников, два содержателя «градского перевоза» (паром через р. Судость), два квартальных сотника, восемь десятников и шесть «стольников магистратовых». Кроме них в магистрат входило семь цехмистров, а всего 45 человек [6, л. 66–66 об.].

Основные функции магистрата составляли городское благоустройство, регулирование цен на продовольствие, контроль за мерами и весами, поддержание в городе чистоты и противопожарной безопасности. Магистратский суд осуществлял гражданское и уголовное судопроизводство. В первой половине XVIII в. магистраты были освобождены от юрисдикции полковых судов и подчинены суду генеральному. При этом действие Магдебургского права распространялось не на всех жителей города, а только на мещан и частично на посполитых (крестьян), в то время как в городах Стародубья достаточно большую часть населения составляли казаки. Они, как и мещане, занимались ремеслами, промыслами и торговлей, т.е. видами производственной деятельности, находившимися в ведении магистратов, что служило причиной частых конфликтов между мещанами и казаками [7, с. 33].

Следует отметить, что в Российской империи термин «мещане» применительно к торгово-промышленному городскому населению официально был введен в 60-х годах XVIII в. В Наказе Екатерины II, данном Комиссии о сочинении проекта нового Уложения 30 июля 1767 г., отмечалось: «В городах обитают мещане, кои упражняются в ремеслах, торгах, художествах и науках...» [8, с. 360]. Однако мещане Стародубья уже в законодательных актах второй половины XVII в. признаются городским сословием. Это в определенной степени подтверждает мнение исследователей о том, что термин «мещане» произошел от польского слова «място» — город [8, с. 360]. Согласно Деулинскому перемирию 1618 г., города Стародубья вошли в состав Речи Посполитой, именно тогда часть их жителей получила статус мещан. В середине XVII в. численность мещан по отношению к другим слоям городского населения была весьма значительной. Так, в списках жителей г. Погара, принявших присягу на верность царю Алексею Михайловичу в феврале 1654 г., числилось 369 казаков и 89 мещан [9, с. 389–392]. Таким образом, городское население было представлено в основном казаками и мещанами.

В первой четверти XVIII в. социально-экономическое развитие городов Стародубья во многом определялось городской реформой Петра I. Указом 13 февраля 1720 г. в городах Российской империи образовывались магистраты [8, с. 356]. Указ 27 апреля 1722 г. вводил цеховое устройство ремесленников [8, с. 343]. Эти законодательные акты соответствовали правовому положению мещан городов Стародубья, которое значительно увеличилось, а в некоторых городах даже превышало казацкое. Об этом свидетельствуют данные переписной книги Стародубского полка 1721 г., которая является первым источником, содержащим сведения об общем количестве дворов в Стародубском полку и раскрывающим их сословную принадлежность [10, с. 48–49].

³ Войт — выборный глава магистрата, бурмистры занимались налогами, доходами и гражданскими делами, лавники осуществляли суд по уголовным делам.

Таблица 1. Количество дворов в городах Стародубского полка в 1721 г.*

Принадлежность дворов	Стародуб	Погар	Почеп (вотчина А. Д. Меншикова)	Мглин
Старшинских.....	13	13	—	—
Священнических и церковнослужителей	47	17	24	10
Казацких.....	136	79	79	110
Мужичьих.....	119	246	—	67
Бобыльских.....	644	358	258	56
Раскольничьих	10	—	—	—
Лезных людей	—	—	—	25
Пушкарей и мещанских.....	—	—	417	—
Крестьянских дворов	—	—	—	—
Подсоседческих	460	31	5	23
Мельнических	4	7	6	—
Корчемных.....	46	21	—	—
Хуторских.....	—	9	2	—

* Составлена по данным А. К. Швидько [10, с. 48–49].

Перепись не отражала в полной мере социальной спектр городского населения. Например, только в г. Почепе мещанские дворы были выделены в отдельную категорию. В других городах они обозначены как «мужичьие». Возможно, к ним были отнесены и крестьянские (посполитые) дворы. Не фигурируют в переписи мастеровые и торговые люди. Перепись свидетельствует о социальном расслоении городского населения, поэтому определить точный процент мещанских дворов сложно. Мещанские дворы в г. Почепе составляли 52%, а в Погаре — 30, в Мглине — 23, в Стародубе около 10%. При этом большой процент дворов принадлежал бобылям (в Погаре — 46%, в Стародубе — 44, в Почепе — 33, в Мглине — 19%).⁴ Наличие значительного числа дворов бобылей указывает на дифференциацию мещанского слоя. В поздних переписях бобыли зафиксированы вместе с мещанами. Так, согласно переписи 1723 г., в г. Мглине числилось мещан: «можнейших грунтовых» — 24 двора, «грунтовых средних» — 50 дворов, «безгрунтовых гendлиовых» (торговых) — 17 дворов, бобылей — 70 хат [11, с. 335]. Значительная часть населения относилось к подсоседкам.⁵ Казачьи дворы в среднем по городам составляли от 10 до 12% от общего количества. В Мглине им принадлежало около 40% дворов.

К концу первой половины XVIII в. расслоение среди мещан Стародубья усилилось, о чем свидетельствует Ревизия дворов мещан города Погара в 1748 г.⁶

⁴ Бобыли не имели собственных наделов и вели хозяйство на арендованных землях.

⁵ Подсоседки не имели собственных дворов и жили во дворах более зажиточных горожан.

⁶ Ревизия была проведена Генеральной войсковой канцелярией в 1748 г. и составлена в 1749 г.

Таблица 2. Количество мещанских дворов в Погаре в 1748 г.*

№ п/п	Категории мещан	Количество дворов	Количество хат	Количество семей	Наличие винокуренных котлов	Наличие лошадей
1.	Малый купеческий промысел	2	2	2	2	10
2.	Малогрунтовые	5	5	5	2	17
3.	Нищетные	21	22	22	2	33
4.	Крайне нищетные	140	279	279	—	129
5.	Подсуседки	—	24	24	—	—
Всего		168	332	332	6	188

* Составлена по данным ревизии Генеральной войсковой канцелярии 1749 г. [6, л. 67–69 об., 90–92].

Два двора зажиточных мещан занимались торговлей и винокурением, имевшим в то время на Левобережной Украине ярко выраженный товарный характер. Эта продукция в больших объемах реализовывалась на местных рынках [7, с. 77]. Следующими по уровню «зажиточности» были 5 «малогрунтовых» дворов, имевших по три лошади, а две семьи из них владели винокуренными котлами. К «нищетным и весьма убогим» относились 22 двора. Подавляющее большинство мещанских семей — 279 — являлись «крайне нищетными» («бездворных межи хатами скитающихся») [12, с. 18]. Половина из них не имела своих дворов и земли, а также лошадей для ее обработки. Среди этого слоя мещан было большое количество представителей цехов, имевших доход только от своего ремесла. Завершают этот список бездворные и безземельные «подсоседки». Еще большее число зависимых мещан отмечено в ведомости «консистенского побору» с дворов Стародуба (середина XVIII в.): 9 дворов занимались «малым купеческим промыслом», 4 двора имели статус «малогрунтовых», 52 относились к «нищетным», 159 — к «крайне нищетным», и 303 (!) хаты считались бездворными [13, л. 51].

Во второй половине XVII в. ремесленники городов Левобережной Украины стали объединяться по специальностям в цеха. Цеховая организация заботилась о сбыте изделий, боролась с конкуренцией, отстаивала цеховые привилегии, рассматривала мелкие споры. Каждый цех составлял общество-братство — национально-религиозное и общественное объединение украинских мещан. Братства имели свои значки (цешки), цеховые знамена. Вместе со священниками и ктиторами они участвовали в управлении церковным имуществом, покупали братские дома, в которых проходили заседания и праздничные мероприятия — братчины.⁷ При церквях братчики открывали школы и богадельни (шпитали).

Цеховое устройство в городах Стародубья существовало до середины XIX в. Так, в Погарском магистрате в 1749 г. были представлены следующие цеха: шевской (сапожный), кравецкий (портные), ткацкий, ковальский, кожемяцкий, шаповальский,

⁷ Таковую братчину в Погаре описал в своих «Путевых письмах» известный русский писатель, фольклорист и этнограф П. И. Якушкин в 1861 г. [14, с. 264–278].

котлярский [6, л. 66 об.]. В 1780 г. в г. Погаре существовало 4 цеха: шевской (объединял кожевников и сапожников), кравецкий (портные), ковальский (объединял котлярей, слесарей и ковалей), ткацкий (объединял шаповалов и ткачей). Цеха объединяли 180 мастеров [15, л. 2]. В 1834 г., через три года после отмены Магдебургского права в Российской империи, в г. Погаре продолжали действовать 5 цехов, объединявших 217 семей мастеров [16, л. 10 об.–40].

К началу XVIII в. в городах Левобережной Украины усилилось наступление казацкой старшины на права и свободы жителей городов, пользовавшихся Магдебургским правом. Драматично этот процесс происходил в городах Стародубья.⁸ Самостоятельность магистратов была сокращена. В Стародубе в магистратском суде заседал полковник, а магистратские села стали отбираться в личные владения казацкими старшинами. Мещане Погара были подчинены власти сотников, а в магистрате были все дела «меские з сотенными в одной же избе смешены» [17, с. 36]. В первой четверти XVIII в. г. Мглине 10 из 20 ратушных сел были розданы казацкой старшине, а в оставшихся селах она скупала крестьянские грунты [18, с. 125–128]. Однако в самом тяжелом положении оказался г. Почеп.

После событий 1708 г.⁹ мещане Почеп получили от гетмана И. И. Скоропадского универсал, даровавший ратуше несколько деревень и подтверждавший право на самоуправление. Однако 31 июля 1709 г. по указу Петра I (при поддержке гетмана И. И. Скоропадского) Почеп был пожалован князю А. Д. Меншикову [19, с. 461]. Ратушное управление упразднилось, и вместо войта город возглавил бурмистр, назначенный из сотников.¹⁰ Не случайно в челобитной, которую подали жители Стародуба царю в 1719 г., содержалась просьба назначать в их город полковников «из великороссийских персон». Эту жалобу Петр I использовал в качестве одного из предлогов для создания 16 мая 1722 г. Малороссийской коллегии, которая хотя и урезала автономию Украины, но существенно ограничила власть казацкой старшины [20, с. 431–432].

Во второй четверти XVIII в. давление казацких старшин на мещан усилилось. Например, в Погаре сотники и другие старшины избивали мещан [21, л. 1–2], лишали их крепости на землю [22, л. 1–6], отбирали сеновалы и грунты [23, л. 1–2]. На захваченных городских землях представители казацкой старшины селили мещан как подсоседков.¹¹ Во владении казацких старшин Соболевских было 9 мещанских дворов, Галецкие владели 30 хатами мещан, Гамалеи — 4 мещанскими дворами [24, л. 131 об.–132а об.]. В городе Мглине в 1740 г. часть горожан была отдана «в подданство» полковому судье А. Рубцу [11, с. 334].

Таким образом, в административно-политическом отношении мещане испытывали двойной гнет: казацко-старшинской администрации и царского правительства. Они продолжали нести повинности, связанные с размещением войск, возводили за-

⁸ Магистраты городов имели права на сборы податей в казну, на них же было возложено содержание квартировавшего в полку регулярного войска. Исполнение этих повинностей ложилось в основном на «магистратские» и «ратушные» села.

⁹ В сентябре-октябре 1708 г. территория Стародубского полка стала ареной боевых действий русской армии против войск Карла XII. Успеху русских войск способствовала поддержка местных жителей.

¹⁰ В 1727 г., после падения А. Д. Меншикова, Почеп был «отобран в казну» [11, с. 236, 302].

¹¹ Включение мещан в подсосудки происходило не только насильственным путем. Многие жители городов, желая освободиться от различных налогов и повинностей, уходили под покровительство к более богатым мещанам и казацким старшинам.

сечные линии на границы Российской империи [25, л. 6]. Но, несмотря на это, мещане городов Стародубья продолжали бороться за возвращение своих прав и сохранение власти магистратов. Определенных успехов они добились во время царствования императрицы Елизаветы Петровны.

Таблица 3. Универсалы и указы на подтверждение Магдебургского права городам Стародубья в 1740-х годах XVIII в.*

Города Годы	Стародуб	Погар	Почеп	Мглин
1741	Универсал Генеральной Канцелярии (21 октября)	—	Указ Сената о восстановлении в г. Почепе ратушного правления	—
1742	—	—	—	Указ императрицы Елизаветы Петровны (2 августа), подтверждающий грамоту царя Алексея Михайловича на Магдебургское право 1666 г.
1744	—	Указ императрицы Елизаветы Петровны, подтверждающий грамоту Царя Алексея Михайловича на Магдебургское право 1666 г. и восстановление Магистрата в Погаре	—	—
1746	Указ императрицы Елизаветы Петровны, подтверждающий грамоту царя Алексея Михайловича на Магдебургское право 1666 г. и универсалов 1668, 1672, 1741 гг.	—	—	Указ императрицы Елизаветы Петровны, подтверждающий грамоту царя Алексея Михайловича на Магдебургское право 1666 г.

* Составлена по данным работ А.М.Лазаревского [11, с.112–137, 237–242, 298–305, 333–336], А.И.Ханенко [17, с. 65–70].

Собрав справки (ссылаясь на грамоты царя Алексея Михайловича, подтверждавшие Магдебургское право городам Стародубья) и подав жалобы в Генеральную войсковую канцелярию, мещане Стародубья сумели добиться (пусть формально) восстановления своих прав. При этом они не пытались расширить свою автономию и получить дополнительные привилегии, а добивались подтверждения того, что было даровано

Алексеем Михайловичем. Таким образом, несмотря на углубляющийся процесс внутреннего расслоения, мещане Стародубья были едины в борьбе как за свои права, так и против казацкой старшины.

В определенной степени этому способствовала политика императрицы Елизаветы Петровны. Указ 21 мая 1743 г. восстановил магистраты «на прежних основаниях независимости от местной коронной администрации и подчинения непосредственно Сенату» [8, с. 356].

В целом, несмотря на то, что Петр I проводил политику постепенной ликвидации системы административно-политического устройства украинских городов, ограничения их автономии и самоуправления, царское правительство поддерживало городское население Стародубья, что нашло отражение в ограничении произвола казацких старшин. Усиление последней, перевод мещан в подсоседки (исключение их из податного городского сословия) ослабляли финансовое положение государства. С другой стороны, Стародубье как пограничный регион имел особое значение для центральной власти, которая относилась к мещанам с большим доверием, чем к казакам, сохранявшим дух вольницы и сепаратистские настроения. В первой половине XVIII в. мещане Стародубья смогли добиться восстановления Магдебургии, что создало юридическую основу для отстаивания ими монополии на занятие ремеслами, торговлей, а также владение городскими землями и селами.

В современной историографии первая половина XVIII в. рассматривается как начальный этап формирования городских сословий в Российской империи [8, с. 333]. Однако в городах Стародубья этот процесс был уже завершен. Мещане осознали себя как сословие. Они играли заметную роль в экономической жизни городов, обладали самобытной культурой, выраженной в определенной обрядности (братчины), собственной организацией — братствами, связанной с православными приходами. Все это способствовало социальной консолидации мещанства. В течение пяти лет (1741–1746 гг.) города региона добились восстановления Магдебургского права, что свидетельствовало о взаимодействии между их магистратами.

Со второй половины XVIII в. Магдебургское право с его привилегиями, статутами и жесткой регламентацией перестало отвечать требованиям времени и утратило свою основную функцию — защиты городов от своеволия феодалов. Поэтому в условиях централизации власти, ограничения власти старшин и гетмана эта система была обречена на отмирание. Упразднена она была в 1831 г. [3, с. 114].

Источники и литература

1. Поляков Г. П. Русско-украинско-белорусское пограничье в этнотерриториальной истории Восточной Европы XVII–XX вв. // Деснинские древности: сб. материалов межгосударственной научной конференции, посвященной памяти Ф. М. Заверняева. Брянск: Изд-во Клинецовской городской типогр., 2004. С. 284–290.
2. Шпунтов А. В. Гербы, эмблемы и символы Стародубья. Тверь: 1-я типогр., 2003. 64 с.
3. Румянцев В. В. Эмблемы земель и гербы городов Левобережной Украины периода феодализма. Киев: Наукова думка, 1986. 128 с.
4. Жалованная грамота мещанству города Почепа, 1666 г. // Черниговские губернские ведомости. Чернигов, 1842. Прибавление к № 16. Часть неофициальная. С. 326–327.
5. Багалец Д. И. Магдебургское право в левобережной Малороссии // Журнал Министерства народного образования. СПб., 1892. Шестое десятилетие. Часть CCLXXX. С. 1–55.

6. Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве (ЦГИАК Украины). Ф. 51. Оп. 3. Д. 10087.
7. Швидько А. К. Значение воссоединения Украины с Россией для экономического развития городов Левобережной Украины: учеб. пособие. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1985. 98 с.
8. Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи (XVIII — начало XX века). М.: Новый хронограф, 2010. 752 с.
9. Луферов А. М., Бирюков С. Н. Погар. Страницы истории. 1155–2010. Минск: Изд-во «МФЦП», 2010. 416 с.
10. Швидько А. К. Население Стародубщины по переписной книге 1721 г. // Тезисы докладов межвузовской историко-краеведческой конференции. Брянск: Борисоглебский гос. пед. ин-т, 1988. С. 48–49.
11. Лазаревский А. М. Описание старой Малороссии. Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Киев: [Б. и.], 1888. Т. 1. Стародубский полк. XVI+470+XXV с.
12. Руссов А. А. Описание Черниговской губернии. Чернигов: Изд. ред. «Земского сборника Черниговской губернии», 1899. Т. 1. 146 с.
13. ЦГИАК Украины. Ф. 51. Оп. 3. Д. 11461.
14. Якушкин П. И. Соч. М.: Современник, 1986. 591 с.
15. ЦГИАК Украины. Ф. 1127. Оп. 2. Д. 87.
16. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 542. Оп. 3. Д. 6.
17. Ханенко А. И. Город Погар. Историко-статистический очерк. Чернигов: Губернская типогр., 1871. 70 с.
18. Филарет (Гумилевский Д. Г.). Историко-статистическое описание Черниговской Епархии. Чернигов: Типогр. Губернского правления, 1873–1884. Кн. 7. 370 с.
19. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества / под ред. В. П. Семенова. СПб.: Изд. А. Ф. Девриена, 1908. Т. 7. Малороссия. 478 с.
20. Чернігівщина. Енциклопедичний довідник. Київ: Українська радянська енциклопедія імені М. П. Бажана, 1990. 1008 с.
21. ЦГИАК Украины. Ф. 1127. Оп. 2. Д. 48.
22. ЦГИАК Украины. Ф. 1127. Оп. 2. Д. 42.
23. ЦГИАК Украины. Ф. 1127. Оп. 2. Д. 34.
24. ЦГИАК Украины. Ф. 51. Оп. 3. Д. 11461.
25. ЦГИАК Украины. Ф. 1757. Оп. 1. Д. 35.

Статья поступила в редакцию 9 июня 2011 г.